

В. А. Черешнев,

В. Н. Расторгуев

**ПРЕДСКАЗУЕМАЯ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ В МИРОВОМ РАЗВИТИИ:
КРИЗИС СОЛИДАРНОСТИ И НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К
ПРОГНОСТИКЕ**

Тема очередных Лихачевских чтений тесно связана с нашим докладом, который был сделан на чтениях 2016 года, посвященных ведущим трендам мирового экономического развития¹. Тогда в качестве одного из негативных и наиболее опасных трендов мы назвали глобальную нестабильность, которая разрушает всю систему приоритетов долгосрочного развития во внутренней и международной политике. Сегодня эта проблема представляется еще более актуальной на фоне ведущегося обсуждения доклада Римского клуба, сделанного в 2017 году (к анализу этого документа мы специально вернемся) и критической общемировой ситуации в 2018 году. Ее резкое обострение связано с множеством факторов, в том числе с острым противостоянием военных блоков на фоне разрушения последних гарантов международной безопасности, появлением новых типов оружия массового поражения и беспрецедентной гонкой вооружений.

По этой причине непредсказуемость, неопределенность и нестабильность, как и целый ряд схожих определений, постоянно пополняют лексикон публичной политики и воспринимаются, как правило, сугубо негативно подавляющим большинством политиков и политических аналитиков. В научной среде и массмедиа все чаще встречаются прогнозы о наступлении эпохи тотальной глобальной непредсказуемости как об одной из главных угроз глобализирующегося мира, что лишь усугубляет панические настроения. А это, в свою очередь, в значительной степени обесценивает роль научно-аналитического обеспечения не только публичной и международной политики, но и целых секторов отраслевой политики, в том числе научной и оборонной, внося хаос в процесс принятия стратегических решений.

---

¹ *Черешнев В. А., Расторгуев В. Н.* Стратегия долгосрочного развития: вызовы времени, глобальная нестабильность и методология определения приоритетов // Ведущие тренды мирового экономического развития и их учет в социально-экономической политике государства. СПб. : СПбГУП, 2016.

Кроме того, подобная установка разрушает саму возможность выработки долгосрочных стратегий и свертывает перспективы нормальной жизни для миллионов людей. Особенно остро эта потребность осознается, когда речь заходит о жизненном горизонте и планах на будущее, так как деформирует глубинное чувство самоидентификации — и традиционной (семейной и родовой, этнической и религиозной, профессиональной и возрастной, социокультурной и цивилизационной), и политической (гражданской и идеологической). Очевидно, что все типы идентичности и соответствующие им формы человеческой солидарности (как традиционной, так и сугубо политической) подвергаются жесточайшему испытанию при столкновении с неустойчивостью социальной системы и внутреннего мира. А это, в свою очередь, дестабилизирует все интеграционные процессы, в том числе внутриевропейские, и существенно ограничивает поиск политических и социальных технологий, направленных на укрепление базовых институтов коллективной солидарности.

О данной тенденции писал, в частности, выдающийся теоретик солидаризма Ю. Хабермас. В своей работе с говорящим названием «Технократический гнев. Разобщенный Союз застревает у порога солидарности» он вполне обоснованно утверждает, что дефицит солидарности является главным препятствием на пути устойчивого развития Европейского союза. При этом, как подмечает Н. В. Мотрошилова, анализируя эволюцию учения Ю. Хабермаса о солидарности, «морализирование и деполитизирование понятия солидарности» становится, по мнению немецкого философа, «большим недочетом именно в последнее время, когда понятие солидарности потребовалось применить не к одним этическим, а к социально-политическим или „чисто“ политическим сторонам человеческих действий и отношений»².

Ю. Хабермас с немецкой пунктуальностью типологизировал все формы инструментальной солидарности, которые могут быть востребованы в процессе социального и политического строительства с учетом уровня цивилизационного

---

² Мотрошилова Н. В. Юрген Хабермас о кризисе Европейского союза и понятии солидарности (2011–2013 гг.) // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 25.

развития общества. Но особо он выделяет традиционные типы солидарности, которые выступают как своеобразные гаранты стабильности, и прежде всего «солидарность тех, кто родился позже, с их предшественниками, со всеми, кто потерпел ущерб от руки человека в своей телесной или личностной целостности». По его определению, «эта солидарность утверждается и иницируется только посредством памятования. Сила воспоминания, несущая освобождение, должна означать (как это имело место от Гегеля до Фрейда) не избавление современности от власти прошлого, но снятие с современности ее вины перед прошлым», поскольку «именно невозвратный образ прошлого оказывается под угрозой исчезновения, когда появляется современность, не умеющая угадать себя в этом образе»³. Однако и традиционное понятие солидарности, как показывает Ю. Хабермас, ссылаясь на «аристотелевскую традицию (вплоть до Ханны Арендт)» никогда не теряло тесной «связи с политическим концептом чувства солидарности»⁴.

Если говорить о глубинных причинах панического ощущения постоянно возрастающей неустойчивости мироздания, то прежде всего следует указать на кризис капиталистического общества и тяжелейший упадок институтов современной демократии, о чем свидетельствует уже упомянутый нами доклад Римского клуба с говорящим названием «Come on! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», подготовленный Э. У. Вайцеккером и А. Вийкман с использованием материалов большой группы ведущих экспертов. По мнению авторов (это второй случай, когда доклад Римского клуба был единодушно поддержан всеми его членами), состояние нестабильности — характерная черта сегодняшнего времени, а проблема перерождения общества заключается в том, что политический класс во всем мире попал в полную зависимость от инвесторов и мощных частных компаний. Это указывает на то, что нынешний кризис также является *кризисом глобального капитализма*, поскольку с 1980-х годов капитализм перешел от дальнейшего экономического развития стран, регионов и мира к максимизации прибыли, а затем в

---

³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М. : Весь мир, 2003. С. 26–27.

⁴ Там же. С. 354.

значительной степени — к росту прибыли от спекуляции. Кроме того, с 1980 года капитализм распространялся в англосаксонском мире, а с 1990-го — по всему миру в основном финансово. Эта тенденция укрепилась из-за чрезмерного дерегулирования и либерализации экономики. В действительности это суживает цели бизнеса до краткосрочных выгод, часто за счет социальных и экологических ценностей. Другим фактором дестабилизации, тесно связанным с монополизмом финансового капитала, стал «рост агрессивного, в основном правого движения против глобализации в странах ОЭСР, которые часто называются популизмом, что стало явными благодаря победе сторонников Брексита в Великобритании и победе Трампа в Соединенных Штатах». Как подчеркивается в докладе со ссылкой на оценку Ф. Закария, «сам Трамп является частью широкого популизма. Барометр доверия Эдельмана свидетельствует о том, что 53 % населения в 28 странах считают, что системы, управляющие ими, терпят неудачу, и только 15 % считают, что системы работают»⁵.

Следует сказать, что на этот раз доклад Римского клуба был пронизан чувством безысходности и растерянности (слово «растерянность» — его доминанта). А позитивный выход из тупика авторы находят в далеко не однозначной концепции, предложенной американским экологом и экономистом Г. Дэйли, которая построена на противопоставлении так называемого «пустого мира», якобы характерного для человеческой цивилизации (мира неизведанных территорий и избытка ресурсов) и «полного мира». Если в первом, «пустом мире», господствуют, по мнению Дейли, превалирующие религии, политические идеологии и социальные институты, сложившиеся и устойчивые формы мышления, то второй, «полный мир» перенасыщен, заполнен до краев продуктами человеческой деятельности. С точки зрения сторонников такой позиции, нельзя жить по правилам «пустого мира», поскольку в этом случае коллапс не заставит себя долго ждать. Метафора, лежащая в основе этой концепции, по нашему мнению, крайне неудачна и соответствует реальности

---

⁵ *Weizsäcker E. U. von., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. N. Y. : Springer Science + Business Media LLC, 2018. P. 5.*

только в приложении к информационной революции, да и то с поправкой, что льющийся через край информационный поток, по известному выражению А. Гора, усваивается людьми на сотые доли процента, превращаясь в белый шум. А правила «пустого мира», на основе которых строился и, что самое важное, самовоспроизводился традиционный многоцивилизационный устойчивый мир, нельзя отбрасывать, не подумав, в чем они заключаются.

Доклад Римского клуба пронизан не только пессимизмом, но и непонятым скепсисом по отношению к традиционным нормам и ценностям так называемого «пустого мира», хотя именно наука и искусство, политика и религия, так же как и другие специализированные сферы человеческой деятельности, имеют собственную многотысячелетнюю историю и внутреннюю логику становления. И каждая из этих сфер становится звеном мирового и национального культурного наследия, достоянием следующих поколений благодаря сложившимся формам внутренней и внешней регламентации, в том числе политической (соответствующие механизмы государственной отраслевой политики) и правовой. При этом устойчивые и неустойчивые, преходящие и непреходящие, то есть инвариантные характеристики самой деятельности, по-разному раскрываются в зависимости от того временного горизонта, в который мы их рассматриваем.

Об этом феномене как об общекультурной закономерности очень емко говорил Д. С. Лихачев: «Конечно, предвидеть появление гениального литературного произведения невозможно. Но предвидеть гениальное научное открытие в какой-то мере можно. Научные открытия делаются на известном уровне знаний и техники. Не случайны поэтому появления сходных открытий и изобретений одновременно в разных странах, у разных ученых. <...> И с этой точки зрения снова вернемся к вопросу о предсказуемости отдаленного будущего и непредсказуемости ближайшего. Дело в том, что, обращаясь к ближайшему будущему, мы должны видеть его в крупных масштабах и иметь дело в первую очередь с индивидуальными явлениями. <...> Обращаясь же к

далекому будущему, мы имеем дело с явлениями типичными, распространенными, массовыми, с общими контурами...»⁶.

И действительно, если мы ограничиваемся краткосрочной и среднесрочной временной перспективой или, точнее, ретроспективой, то в поле зрения попадают отдельные события, а в рамках долгосрочной перспективы и большие событийные ряды, в том числе циклические, и те каузальные связи между исторически значимыми событиями, которые поддаются рациональной реконструкции.⁷ Если же речь идет о воистину дальнесрочных горизонтах, а точнее, о метаисторическом времени, то картина существенно изменяется, когда даже события воистину исторической значимости уходят на второй план.

В первом случае нам становятся доступными эволюционные, устойчивые процессы развития, а также разрывы преемственности, возникающие в результате конфликта интересов различных социальных или этнических групп и отдельных людей (человеческий фактор истории в позитивном и негативном значении этого термина). Естественно, на первый план выходят основные акторы деятельности — знаковые фигуры политической и военной элиты, выдающиеся мыслители и творцы, властители дум и душ. С их именами связаны судьбоносные события, предопределившие ход истории. Во втором случае, в «периоды большой длительности», на первый план выходят метаисторические процессы, когда нам открываются, по точному определению М. Фуко, не только исторические реалии и событийные ряды, но и *телеология разума*. Это свидетельствует, по его мнению, «о возврате к философии истории, к представлениям о великих эпохах мира, к периодизациям, которые бы исходили из предназначения цивилизаций»⁸, что не позволяет свести проблему «к простой линейной схеме».

Здесь частные и групповые интересы представляются уже куда менее существенными, чем *телеологический аспект* становления различных сфер

---

⁶ Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения (Заметки и размышления) // Новый мир. 1969. № 9. С. 168–167.

⁷ О проблемах, связанных с классификацией событий, в том числе «роковых» и циклических, мы подробно говорили в книге: Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, развитие. Коллективная монография / под общ. ред. В. А. Черешнева и В. Н. Расторгуева. М., 2018.

⁸ Фуко М. Археология знания. Киев : Ника-Центр, 1996. С. 11.

специализированной деятельности. Теперь центральное место в аналитике занимают функциональные отличия, существующие между наукой и искусством как сферами, где доминирует (в соответствии с известной кантовской классификацией) либо направленность на открытие уже существующего (научная сфера), либо направленность на изобретение нового, не существовавшего прежде (искусство). При этом в сферу искусств наряду и изящными искусствами Кант включает технику и изобретательскую деятельность. Соответственно, наряду с этими условно обозначаемыми сферами, где ключевыми функциями являются открытие и изобретение, выделяется обширная область, где доминирует регламентирующая функция, которая распространяется на все сферы деятельности. Это религиозное сознание, мораль и право, в котором выражаются государственные интересы.

На глубокое функциональное родство этих регламентирующих сфер обращал внимание Гегель в «Философии права», который понимал право предельно широко, включая в это понятие в первую очередь «неограниченно абсолютное право мирового духа». В частности, он писал: «Право есть нечто святое вообще, святое только потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы. Формализм же права (и затем также и формализм обязанности) возникает из различия между степенями развития понятия свободы. Каждая ступень развития идеи свободы обладает своим собственным правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений. Когда говорят о противоположности между моральностью, нравственностью, с одной стороны, и *правом* — с другой, то под правом понимают лишь первое формальное право абстрактной личности. Моральность, нравственность, государственный интерес каждое в отдельности представляют собой особое право, так как каждая из этих форм есть определение и наличное бытие *свободы*. *Коллизия* между ними может произойти лишь постольку, поскольку все они находятся на одной и той же линии и являются правом»⁹.

---

⁹ Гегель Г. В. Ф. Философия права // Сочинения. М. ; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 55.

Возвращаясь к оценке сугубо пессимистической картины будущего, представленной в докладе Римского клуба, следует сказать, что политическая концепция устойчивого развития вовсе не исчерпала свой потенциал, несмотря на множество противоречий, связанных с ее статусом и механизмами принятия международным сообществом как одной из базовых политических доктрин и ее отражением в сфере теоретической мысли (есть множество конкурирующих научных и околонучных концепций с таким же названием). Детальный анализ этого аспекта функционирования концепции устойчивого развития приводится в монографии «Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия»¹⁰.

Дело в том, что политическая концепция строится на иных принципах, чем научные теории. Их принимают не ученые, а политики на основании соответствующих процедур. На отдельных этапах действительно привлекается экспертное сообщество, включающее наряду с экспертами «первого уровня» — специалистами, дающими заключения, например, о правовом соответствии разрабатываемых документов нормам действующего национального законодательства и международного права, о возможности их ресурсного и финансового обеспечения и тому подобном, представителей науки, общественности, деятели культуры. Но на важнейших стадиях принятия решения они, как правило, не участвуют. А политики, как известно, руководствуются другими соображениями, продиктованными национальными, корпоративными, лоббистскими и иными интересами, не имеющими никакого отношения к науке, — чувством партийной или групповой солидарности и, наконец, укреплением собственной «устойчивости» в системе. При этом ради согласования разнонаправленных интересов участникам процесса иногда приходится жертвовать даже логикой и системой теоретических обоснований. Этот факт, собственно, и вызывает возмущение среди ученых, которые

---

¹⁰ Черешнев В. А., Расторгуев В. Н. Дилемма Н. Н. Моисеева: концепция устойчивого развития – утопия или стратегия? // Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия / под ред. А. И. Костина (коллективная монография). М., 2017.

отчетливо видят дефекты в обосновании и логике, а потому норовят «исправить концепцию», предлагая свои варианты и искренне удивляясь, что их не слышат.

М. Вебер в своем известном обращении к студенческой молодежи «Наука как призвание и профессия» (прошло 100 лет со дня его публикации) говорил: «„Личностью“ в научной сфере является только тот, кто служит лишь одному делу. <...> В науке совершенно определенно не является „личностью“ тот, кто сам выходит на сцену как импресарио того дела, которому он должен был бы посвятить себя, кто хочет узаконить себя через „переживание“ и спрашивает: как доказать, что я не только специалист, как показать, что я — по форме или по существу — говорю такое, чего еще никто не сказал так, как я, — явление, ставшее сегодня массовым, делающее все ничтожно мелким, унижающее того, кто задает подобный вопрос, не будучи в силах подняться до высоты и достоинства дела, которому он должен был бы служить, и, значит, быть преданным только своей задаче»¹¹. Этой сверхзадачей и долгом науки, по Веберу, был и остается «поиск истины». Именно по этой причине он считал, что политике не место в аудитории: «Студенты в аудитории не должны заниматься политикой. <...> Впрочем, политикой не должен заниматься в аудитории и преподаватель. И прежде всего в том случае, если он исследует сферу политики как ученый»¹².

В заключение отметим, что панические настроения в мировой публичной политике во многом связаны с ее закрытостью. Только на первый взгляд она становится все более открытой и демократичной, хотя эта открытость носит чаще всего демонстрационный, а иногда и откровенно пропагандистский характер. Такая открытость не распространяется, конечно, на особые сферы деятельности, которые относят к политической кухне, в частности ко многим областям политического планирования — и стратегического, и оперативного. Такое разделение столь же условно, как и водораздел между публичной и непубличной сферами, поскольку стратегическая проблематика, как правило, пронизывает именно оперативные планы, где цели и средства, причины и

---

¹¹ Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 711.

¹² Там же. С. 721.

следствия могут свободно меняться местами. Общая картина усугубляется тем, что именно в этой сфере мы наблюдаем сцепление взаимоисключающих тенденций — от усиления планового начала в деятельности государств и межгосударственных союзов до их полного самоустранения от синхронизированного планирования в разных временных горизонтах и различных специализированных отраслях политики, что ставит под вопрос устойчивость развития.

Как писал А. Тоффлер — один из немногих известных теоретиков, попытавшихся осмыслить масштабы катастрофы под названием «государственное непланирование», в книге с говорящим названием «Шок будущего», «мы слышим усиливающиеся призывы к антипланированию или непланированию. <...> Прославляется бесплановость. Утверждая, что планирование навязывает будущему ценности, антипланировщики упускают из виду тот факт, что непланирование тоже это делает, часто с гораздо худшими последствиями. <...> Хотим ли мы предотвратить шок будущего или контролировать численность населения, препятствовать загрязнению или ослабить гонку вооружений, мы не можем позволить, чтобы глобальные решения принимались невнимательно, неразумно, беспланово. Выпустить ситуацию из рук — значит совершить коллективное самоубийство»¹³.

В России о «стратегии непланирования» пишут и говорят неохотно, поскольку из истории не вычеркнуть эпоху великого планового строительства, когда страна, до войны стоявшая в одном ряду с промышленными гигантами и почти до основания ею разрушенная, после великой и жертвенной битвы восстановила и нарастила фантастический потенциал — промышленный и военный, научный и человеческий. И произошло это во многом благодаря искусству аналитики, встроенной в процесс системного средне- и долгосрочного планирования, а также блестяще налаженной системы контроля, основанной на многоуровневой государственной экспертизе.

---

¹³ Тоффлер Э. Т. Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ, 2002. С. 492.

Как говорил В. В. Путин на заседании Государственного совета 2006 года, когда только начинался переход к долгосрочному планированию, «копирование моделей работы советского Госплана в условиях рыночной экономики нецелесообразно и невозможно, однако формирование планов и программ вполне совместимо с рыночными условиями хозяйствования»¹⁴. Именно этот переход (11 известных указов Президента, которые «определяли параметры развития, сроки, персональную ответственность») позволил, как подытожил Путин результаты проделанной работы на заседании Госсовета в 2017 году, решить сложнейшие задачи, связанные с безопасностью и обороной, что изменило расстановку сил на мировой арене. Об этом говорилось уже с демонстрацией достижений в Послании Президента Федеральному Собранию в 2018 году.

Как видим, акцент в стратегическом планировании делается на методы управления стратегическим развитием отдельных сегментов отраслевой политики. И это не случайно: когда мы говорим об открытости политики, то имеем в виду прежде всего не отраслевую, а публичную политику. Но именно она, как это ни парадоксально, всегда была и остается самой закрытой областью политической жизни. Это происходит уже по той причине, что в ее основе лежат глубинные и зачастую разнонаправленные групповые интересы, в том числе сословные и классовые, партийные и личные, стратегические и конъюнктурные, ускользающие от самих политиков и требующих от них постоянной готовности к борьбе и компромиссам. А отраслевая политика, которая на первый взгляд кажется закрытой, в действительности является прозрачной для специалистов, поскольку понимание ее целей и функций требует должной квалификации. Она закрыта только для неспециалистов и, в отличие от публичной, поддается точному измерению, например, с точки зрения эффективности или неэффективности тех или иных решений. По этой причине она открыта для

---

¹⁴ Путин В. В. Выступление на заседании Государственного совета «О механизмах взаимодействия федеральных и региональных органов исполнительной власти при разработке программ комплексного социально-экономического развития регионов» 21 июля 2006 года (см.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/35972>).

посвященных за исключением отдельных зон, что связано обычно с коммерческой или государственной тайной.

Применительно к любой отраслевой политике не должно быть места «двухслойным» проектам, а также интригам и провокациям. Во всяком случае, они уходят на дальний план, ибо включаются объективные критерии, в том числе оценка безопасности, ресурсоемкости и т. д. В публичной политике главное требование вовсе не эффективность, которую чаще всего невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть, а эффектность иного рода — ставка на эффект, который производят политики и их действия, что, разумеется, также важно.

Именно поэтому экспертная работа и проведение экспертиз в «непубличной сфере» приобретают иной характер, который не доступен массовому сознанию, полностью сосредоточенному на перипетиях публичной политики — внешней и внутренней, где формируется другое отношение и к аналитике, и к экспертизе, а также к самим аналитикам и экспертам. Здесь сказывается феномен сопричастности к политической жизни, возникающий у многих людей, действительно вовлеченных в политические кампании, проводимые различными партиями и движениями, в том числе и оппозиционными. Все это создает видимость доступности знаний о планах и целях, о «властных технологиях» и функционировании властных институтов на национальном и даже на наднациональном уровне. Такие иллюзии возникают как у рядовых граждан, так и у самих публичных политиков, которые, как правило, не обязаны соблюдать требования профессиональной компетентности в какой-либо конкретной области знаний (во многих странах для депутатов, к примеру, не предусмотрен даже минимальный образовательный ценз). Этот известный и неустранимый парадокс демократии воспринимается как данность, что в свою очередь также существенно снижает критичность мышления.

Вопрос о реальных функциях и типах экспертной и аналитической деятельности осложняется и тем фактом, что публичная политика стоит на трех китах. Первый — это «классические» формы планирования, в рамках которых

проекты служат также «витриной» для лоббирования интересов реальных акторов политики. Здесь очевиден акцент на целостность и устойчивость. Второй «кит» — это интриги, то есть все те же интересы, но уже не прикрытые проектами, а предстающие в голом, так сказать, виде. Здесь мы сталкиваемся с широким спектром методов дестабилизации — от «параллельного» политического планирования до «инопланирования» (внешнего планирования), — которые не бросаются в глаза. Для основных «игроков» эти интриги-интересы связаны, естественно, с борьбой за власть и ресурсы или участие во власти, а для публики, для тех же избирателей — это интересы другого рода, которые издревле определялись формулой «хлеба и зрелищ». Третий «кит» — это провокации, где все поставлено на деструктивную дестабилизацию системы. Однако в число провокаций входят провокации «в хорошем смысле» слова, например провоцирование, без которого, к примеру, невозможно прощупать реакцию общества на те или иные реформы. Но к провокациям относится и провокаторство, целью которого может быть и разрушение устоев самой государственной системы. А это, согласитесь, далеко не однородные явления, требующие разных оценок — как политических и моральных, так и правовых.

В результате политическая аналитика и экспертиза рассматриваются как деятельность, доступная едва ли не каждому, а принципиальные различия между работой аналитика и эксперта вообще ускользают из поля зрения. Не случайно среди тех, кого так называют, все реже упоминают представителей научного сообщества, но все чаще — так называемых медийных персон, среди которых доминируют журналисты и обозреватели, раскрученные в электронных СМИ комментаторы, которые, как уже говорилось, непосредственно не участвуют ни в подготовке, ни тем более в принятии политических решений.